

«Книга ... освещает наше
личное движение к истине».

М. Пришвин

СВЕТЛЯЧОК

12.12.2014

№12 (45) Декабрь 2014 года

• С музейных полок

СЕРОГЛАЗОЧКА

Музей место особое, само пространство, наполненное памятью о прошлом, делает грань между временами призрачной. И пришедшим на эту вечернюю встречу по приглашению директора музея Валерия Линкевича в день рождения Октябрины Георгиевны Соловской казалось, что здесь так естественно живая Октябрина говорила с большого телевизионного экрана, благодаря видеозаписям, сделанным когда-то Михаилом Ильюшонком. На экране одна непринуждённая беседа сменяла другую, чередовались места и окружение Соловской. То это была встреча у кого-то дома, то возникал выставочный зал в Нелидове или в Великих Луках.

В центре всех действий оказывалась Соловская. Она, кроме того, что просто и умно говорила по любому вопросу, ещё и замечательно пела свои любимые романсы. Чаще всего это был Вертинский:

*Я люблю Вас, моя сероглазочка,
Золотая ошибка моя!*

Казалось, что она пела о себе, что она и есть та самая обожаемая кем-то Сероглазочка. Кто знал её близко, обязательно бы обнаружил сходство в чертах героини романса и самой исполнительницы:

*Я люблю Ваши пальцы старинные...
Ваши волосы сказочно длинные...
Я люблю этот блеск интонации,
Этот голос - звенящий хрусталь...*

Приглашённых было немного, потому, что тех, кому посчастливилось быть хоть некоторое время в кругу интеллектуального света, исходящего от этой женщины, уже нет, как и её самой, в нашем земном мире.

Собравшиеся слушали и вспоминали, вспоминали. И советы, когда-то ею данные так к месту, и её непростой взрывной характер, когда дело касалось её работы. Она не могла пережить равнодушного отношения к местной андреапольской глине, в которой сама усматривала столько художественных возможностей, не могла терпеть безвкусыя и халтуры.

– Она Абрамцевское художественное училище окончила, – говорил Линкевич, – дело своё знала великолепно.

Сожалели о том, что в музее нет ни одной её акварели, которые друзья в своё время видели, и запомнили их тонкие интонации. Кажется, они остались у сына.

Рассказывали о душевных беседах наедине с художницей, вспомнили о её попытках помочь устроить личную жизнь друзей. Предложения Октябрины Георгиевны в этой сфере всегда отличались совершенным отсутствием практической хватки. Насколько тонко она чувствовала искусство, настолько беспомощна была в оценках грубого внешнего мира и быта.

– Но она была женщиной в полном смысле этого слова, – напомнил Михаил Ильюшонок, – не могла, например, себе позволить пойти куда-то без причёски..

Заговорили о её кулинарных манерах: пару огурчиков, майонез, простое яйцо и даже банальную селедку за отсутствием деликатесной рыбы она могла подать как изысканное блюдо.

Выяснилось вдруг, что мы почти ничего не знаем о её прошлом. Дочка военного, родилась в Великих Луках. В семье была большая библиотека, музыкальные инструменты. Брата звали Ким – «Коммунистический Интернационал молодёжи» – что уже много говорит о семейных убеждениях и приверженностях. И почти ничего о личном женском её счастье или несчастье. Говорят, как только беседа направлялась в это русло, Октябрина Георгиевна уходила в себя и замыкалась.

Ценили ли мы её деятельность в достаточной степени? Её оригинальные изделия, которые она задумывала и исполняла по поводу значительных районных событий, будь то комсомольский юбилей или областной слёт партизан. Во многих кабинетах и квартирах появлялись в такие дни симпатичные панно из керамики с изображением веточки клюквы, крепеньких боровиков на моховой подстилке или праздничного салюта. А сколько подсвечников и прочих предметов, украшающих человеческий быт, ею было разработано и произведено.

Её помнят люди. Со временем стал забываться её непростой характер, но остались в памяти её высокая культура и интеллект. Она была активным членом «Светлячка». То стенгазету принесёт, к случаю выпущенную, то историю интересную опять же к месту расскажет. Да и работы её теперь, думаю, оценили бы с большим вниманием. Что имеем – не храним, потерявши плачем.

М. Петрова

• Новые книги

Лариса Могильницкая, член литературного клуба «Светлячок», и в летнем отпуске литературу не забывала. Вот что она пишет: «Я посетила в Курске Литературный музей. Там разговорилась с музейными работниками. Сказала, что из Тверской области, что у нас в библиотеке есть свой литературный клуб. Мне предложили эту книгу, она об известном писателе Е. И. Носове. Я, попросила ее подписать для нашего «Светлячка».

Е. Спасская, научный сотрудник, книгу подписала. Я спешила на маршрутку, поэтому толком и не поговорили. Но у меня сделан фотоальбом, называется "Поход в музей". Там все фото о литературном музее, мне директор разрешила сфотографировать.

Евгений Иванович Носов родом из Курска. Скульптура «Белый гусь» (на фото) - по его рассказу. Я его прочитала - очень интересно, правда жаль гуся - он погиб ради своих детей».

Книга о Носове теперь есть в нашей библиотеке. Она вполне годится для учителя, готовящего урок по творчеству этого писателя. А по рассказу «Белый гусь» детям предлагается писать изложение. Именно этот вариант мы и представим читателям.

Памяти
живые лоскутки

БЕЛЫЙ ГУСЬ

Если бы птицам присваивали воинские чины, то этому гусю следовало бы дать адмирала. Все у него было адмиральское: и выправка, и походка, и тон, каким он разговаривал с прочими деревенскими гусями.

Ходил он важно, обдумывая каждый шаг.

Когда гусь на отмели поднимался в полный рост и размахивал упругими полутораметровыми крыльями, на воде пробегала серая рябь и шуршали прибрежные камыши.

Этой весной, как только пообдуло проселки, я собрал свой велосипед и покатил открывать рыбачий сезон. Когда я проезжал вдоль деревни, Белый гусь, заметив меня, пригнул шею и с угрожающим шипеньем двинулся навстречу. Я едва успел отгородиться велосипедом.

— Вот собака! — сказал прибежавший деревенский мальчик. — Другие гуси как гуси, а этот... Никому прохода не дает. У него сейчас гусята, вот он и лютует.

— А мать-то их где? — спросил я.

— Гусыню машина переехала.

Гусь продолжал шипеть.

— Легкомысленная ты птица! А еще папаша! Нечего сказать, воспитываешь поколение...

Переругиваясь с гусем, я и не заметил, как из-за леса напозла туча. Она росла, поднималась серо-сизой тяжелой стеной, без просветов, без трещинки, и медленно и неотвратимо пожирала синеву неба.

Гуси перестали шипать траву, подняли головы.

Я едва успел набросить на себя плащ, как туча прорвалась и обрушилась холодным косым ливнем. Гуси, растопырив крылья, полегли в траву. Под ними спрятались выводки.

Вдруг по козырьку кепки что-то жестко стукнуло, и к моим ногам скатилась белая горошина.

Я выглянул из-под плаща. По лугу волочились седые космы града.

Белый гусь сидел, высоко вытянув шею. Град бил его по голове, гусь вздрагивал и прикрывал глаза. Когда особенно крупная градина попадала в темя, он сгибал шею и тряс головой.

Туча свирепствовала с нарастающей силой. Казалось, она, как мешок, распоролась вся, от края и до края. На тропинке в неудержимой пляске подпрыгивали, отскакивали, сталкивались белые ледяные горошины.

Гуси не выдержали и побежали. То здесь, то там в траве, перемешанной с градом, мелькали взъерошенные головки гусят, слышался их жалобный призывный писк. Порой писк внезапно обрывался, и желтый «одуванчик», иссеченный градом, поникал в траву.

А гуси все бежали, пригибаясь к земле, тяжелыми глыбами падали с обрыва в воду и забивались под кусты лозняка. Вслед за ними мелкой галькой в реку сыпались малыши — те немногие, которые успели добежать.

К моим ногам скатывались уже не круглые горошины, а куски наспех обкатанного льда, которые больно секли меня по спине.

Туча промчалась так же внезапно, как и набежала. Луг, согретый солнцем, снова зазеленел. В поваленной мокрой траве, будто в сетях, запутались иссеченные гусята. Они погибли почти все, так и не добежав до воды.

На середине луга никак не растаивала белая кочка. Я подошел ближе. То был Белый гусь. Он лежал, раскинув могучие крылья и вытянув по траве шею. По клюву из маленькой ноздри сбегала струйка крови.

Все двенадцать пушистых «одуванчиков», целые и невредимые, толкаясь и давя друг друга, высыпали наружу.

(По Е.И. Носову)

• **Вспоминая лето
КАК ЗДОРОВО, ЧТО ВСЕ МЫ ЗДЕСЬ...**

«Всё течёт, всё меняется...» – сказал в своё время великий Гераклит из Эфеса и был, безусловно, прав. Вот и наша очередная, уже седьмая по счёту, поездка на Грушинский фестиваль, при всей своей похожести на предыдущие поездки, немало отличается от них. В первую очередь, из-за того, что изменился сам фестиваль.

Нынешний ХLI Фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина, проходивший в этом году на своём старом месте – на Мастрюковских озёрах под Самарой был объединённым.

Целых восемь лет знаменитый песенный форум существовал как бы в двух лицах. После исторического раскола между организаторами фестиваля в 2006 году любителей авторской песни, в первые дни июля традиционно съезжающихся со всего мира на Самарскую Луку, встречали две независимые площадки – на Мастрюковских озёрах и на Фёдоровских лугах. Восемь долгих лет длились бесконечные судебные тяжбы и разбирательства. Восемь долгих лет не затихали в интернете споры на тему: кто «правильней» и круче – «Мастрюки» либо «Фёдоровка»? Дело сдвинулось с мёртвой точки лишь осенью прошлого года, когда на высочайшем уровне было принято решение присвоить Грушинскому фестивалю статус «Национальное достояние». Статус этот, помимо всего прочего, предполагает ещё и достаточно приличное финансирование. Естественно, подразумевалось, что национальное достояние в стране может быть только одно. Сторонам ничего не оставалось как сесть за стол переговоров. Много ходило и ходит слухов о результатах этих непростых переговоров, о сопутствовавших им хитрых интригах и скандалах, о выигравших и проигравших, о припавших к вождельной госкормушке и о кормушкой этой обделённых. Однако же итог этих переговоров налицо – «Груша» объединилась.

Прямо скажу, меня, да и всех моих друзей, все эти закулисные интриги волновали мало. Мы как ездили все эти годы на наш родной Кольский Бугорок, так и продолжили на него ездить. Делить нам нечего. А песен, душевного тепла и радушия на фестивале хватит на всех.

Что касается самого фестиваля, то он в этом году заметно изменился. Значительно больше стало сцен. Восемь официальных и не менее десятка самодеятельных сцен предлагали в этом году слушателям свой репертуар. Выбор стал больше, что не могло не порадовать любителей авторской песни. А их, между прочим, в этом году на объединённую «Грушу» съехалось более семидесяти тысяч.

Ещё одним немаловажным, на мой взгляд, новшеством стало проведение в рамках фестиваля поэтического конкурса. Причём конкурса настоящего – с присуждением лауреатства и выходом на Гитару. Многие годы витала над фестивалем идея проведения такого конкурса. Ведь, действительно, получалась странная вещь – авторская песня базируется в первую очередь на хорошей поэзии, большинство значимых фестивалей авторской песни давно уже включили поэтический конкурс в свою обязательную программу, а самый главный фестиваль всё никак не мог раскататься и признать поэтическую номинацию равноправной сестрой номинаций композиторской или исполнительской. И вот наконец сбылось! Надо ли говорить, что ваш покорный слуга, ни малой секунды не колеблясь, решил идти в конкурс?

Поэтический конкурс проводился в три тура: первый и второй туры проводились отдельно от конкурса песенного, а третий тур, на котором, собственно, и определялись все дипломанты и лауреаты фестиваля, был уже объединённым и проходил на Главной сцене пред светлы очи достаточно многочисленного жюри под председательством легенды авторской песни и, между прочим, прекрасного поэта Александра Городницкого.

Я выбрал для конкурса своего «Станционного зрителя». Из более ста конкурсантов, стартовавших в первом туре, в третий тур было допущено пять. В том числе и я. Как мне потом рассказал один из членов жюри, выбор в итоге происходил между двумя стихотворениями – моим «Смотрителем» и стихотворением «Снайпер» московского поэта Тима Скоренко.

(продолжение на стр.4).

(начало на стр. 3).

В конце концов жюри посчитало, что «Снайпер», в котором речь идёт о сербско-боснийской войне, в свете последних украинских событий выглядит гораздо актуальней, и отдало пальму первенства ему. Таким образом, первым лауреатом Грушинских фестивалей в номинации «поэзия» стал Тим Скоренко – кстати, тоже житель нашего Кольского Бугорка и мой хороший приятель (наши с ним палатки стояли на поляне «спина к спине»). Я же, как вышедший в финал, довольствовался стопкой подарочных книг и фирменной маечкой от дирекции фестиваля.

Ещё одной традицией, возрождённой на объединённом фестивале, стал футбольный матч «Сборная бардов мира – Сборная ветеранов "Крылья Советов" (Самара)». Я был приглашён в Сборную мира в качестве вратаря.

Матч проводился в субботу, вскоре после третьего тура песенно-поэтического конкурса, и я, ещё не остывший от поэтических баталий, примерил на себя зелёную майку с номером «1», дабы принять участие в баталии футбольной.

Из широко известных авторов за Сборную бардов мира играли Олег Митяев и Валентин Вихорев. За «Крылышки» на поле вышел Губернатор Самарской области Николай Меркушкин.

Выход на газон губернатора сопровождался буквально истерикой многочисленных папарацци, сбежавшихся к футбольному полю. Судья даже был вынужден на несколько минут приостановить матч. Но вот все, кто хотел сфотографировать высокое должностное лицо, сделали своё дело, и матч возобновился.

Мяч тут же оказался у ног Меркушкина. Губернатор, недолго думая, подхватил его и двинулся к нашим воротам. Странное дело, но продвигался он, не встречая никакого сопротивления. Только что почти непродолимая защита нашей команды любезно расступалась перед неспешно бегущим футболистом в майке под номером «60». «Худо дело! – подумал я, глядя на приближающегося форварда «Крылышек». – Похоже, придётся пропускать...» Удар! Я, изогнувшись в грациозном прыжке, в последний момент убираю руку, и мяч влетает в сетку наших ворот.

Тут же последовал новый приступ истерики у фоторепортёров. Меркушкина снимали с мячом, без мяча, на фоне ворот, из-за ворот, бегущим, идущим, стоящим, вытирающим трудовой пот со лба и пожимающим руку Олега Митяева, поздравляющего его с голом.

Потом матч опять возобновили. Кстати сказать, на самом деле играет Меркушкин вполне прилично, что он и доказал, забив с игры ещё два мяча – на этот раз вполне трудовых, уже без всякой помощи со стороны противника.

Основное время матча закончилось ничьёй – 6:6. Далее последовала серия пенальти.

Когда к мячу подошёл губернатор, чей-то голос за моей спиной вкрадчиво произнёс: «Надо пропускать!» «А вот хрен тебе!» – подумал я и... пенальти взял. Первая серия пенальти закончилась тоже вничью. Далее пенальти били до первого промаха.

Меркушкин подошёл к мячу во второй раз и классно пробил в правую от меня девятку. Гол! Наш футболист «ответил» ударом в штангу. Победа «Крылышек»!

Послематчевая фотосессия по длительности и количеству фотографов наверняка затмила таковую на финальном матче закончившегося незадолго до этого бразильского мундиала. Потом последовало награждение. Всем участникам матча вручили памятные медали, а мне вдобавок, неожиданно для меня, – ещё и кубок «Лучшему вратарю матча».

Так что какую-никакую, а награду я с фестиваля всё-таки привёз!

И всё-таки прав был великий Гераклит из Эфеса: «Всё течёт, всё меняется...» Незаметно протекли, пролетели восемь фестивальных дней. Сколько было спето, сколько выпито, сколько переговорено! Расставаясь, мы желали друг другу доброй дороги, хороших песен и, конечно, удачи. И договаривались вновь встретиться через год, в первые дни июля, на Мастрюках, на нашем славном Кольском Бугорке, на ОБЪЕДИНЁННОЙ Груше. Ведь бардам делить нечего – песен хватит на всех!

Владимир Юринов, Андреаполь.
На снимках: Кубок «Лучшему вратарю»; Я беру мяч после удара Меркушкина; Фото после матча. В центре: в белой майке – Н. Меркушкин, в красной – Олег Митяев, в зелёной – я.

• **Странное**
Владимир Юринов

Неслышно выйдя из стены
(точнее будет – из застенья),
туманом лёгким привиденье,
скользя, в мои проникло сны.
Обрывком тюлевых гардин
текло сквозь комнату несмело,
и сквозь мерцающее тело
дрожал угольями камин.
Я, отвести не в силах взгляд,
себе не верил, но очнулся,
когда ноздрей моих коснулся
ванили тонкий аромат.
«О мой эфирный пилигрим!
Ваш путь далёк. К чему молчанье?
Прошу вас, милое создание, –
садитесь здесь, поговорим...»
Оно помедлило, легко
качнулось в кресло, неумело
устроилось, как будто мелом
вписавшись в контуры его.
Я сел напротив, не дыша,
и сразу сбивчиво, волнуясь,
ему навстречу распахнулась
моя иссохшая душа.
И я сказал ему про всё,
что никому бы не доверил, –
про страх, про запертые двери
и про затоптанный костёр.
Я говорил ему про снег,
про сны, несданную посуду,
про злых соседок пересуды,
про времени безумный бег...
Не прерывая, не браня,
оно внимало терпеливо,
то вдруг сгущаясь, то стыдливо
всё размываясь по краям.
И так – без отдыха, без сна –
до первых проблесков рассвета
текла безмолвная беседа,
как пар – в отдушину окна...
Прощались грустно. Уходя,
оно помедлило: «Простите...»
Я улыбнулся: «Заходите...»
Оно кивнуло, погодя.
И долго, кутаясь в халат,
я вслед смотрел, пока в квартире
сквозь тьму предметы проступили
и я – небритый – в зеркалах.
Беспечный перестук дождя
прервал моё оцепененье,
и понял я, что возвращенья

его отныне буду ждать.
Уже кряхтел спросонок дом
и пискнул, пробудясь, компьютер,
и холоден и неуютен
был день, встающий за окном...

Маргарита Петрова
СТРАННЫЙ АНГЕЛ

Из окна смотрел рабочий,
раздражён и озабочен:
не хватало до зарплаты.
Видит, ангел в телогрейке
примостился на скамейке,
весь – заплатата на заплате.

«Не во мне, выходит, дело, –
заключил рабочий смело, –
Ангел виноват в итоге.
Он в одежде не по рангу –
Я плетусь хромым мустангом.
Если б был он в белой тоге...».

Ангел и не ждал награды.
Намекал лишь грустным взглядом,
что удачи бумерангом
за дела твои вернутся.
Нужно только оглянуться.
Ну а он всего лишь ангел.

Занимался день погожий,
шел стремительный прохожий
в ношеном комбезе чистом.
Вслед за ним вспорхнул и ангел.
Ветерок вздохнул, и в танго
закружился лёгкий лист.

Пётр Бобунов

**НАВЕЯНО «КНИГОЙ ТЕНЕЙ»
ЕВГЕНИЯ КЛЮЕВА**

Возникла скрипка из футляра,
Как бабочка из кокона,
Взлетел смычок и зазвучало
Щемящее, высокое.
Смешенье вихрей и смерчей
При каждом взмахе крыл
Сливалось в сказочный ручей:
Был-не- был-не- был-был.
А девушка играла вальс,
Не важно, чей он будь,
Играла каждого из нас
И более чуть-чуть:
Трамвай, подземный переход,
Цыганка, господин,
Неуловимое «вот-вот»
И «как- бы-не-пройти».
Музыка схлынула – как жаль –
Все снова в настоящем,
Но Эвридика купит шаль
И ворона обрящет.

• Опять - навывлет

Владимир Юринов

Всё чаще похороны поводом для встреч,
хоть назначай свиданья деловые.
Пора б привыкнуть, но опять – навывлет.
Поди попробуй миокард сберечь.
Паскуда-смерть с ухмыльчивым лицом –
прицельно бьёт, не скажешь, что Косая –
порасстреляв упрямый строй отцов,
ровесников нестройный строй кромсает.
Редее строй. Но уцелевшим – жить.
Встречать свой жребий невесёлым смехом.
Ведь нам отныне заслониться нечем,
но есть кого собою заслонить.
Как Пересвет, ты – в поле и один.
За то тебе весомая награда –
чтоб в бездну заглянуть, уже не надо
на цыпочках тянуться из-за спин.
Уже впрямую лунные чубы
нам треплет ветер, дующий от бездны,
а мы всё тащим короб бесполезный,
всё просим подаюня у судьбы,
всё так же ищем Главную Печать
и уповаем на всесилье слова...

А главное – не прокричать о новом,
а – в меру сил – о вечном помолчать...

Игорь Столяров
ПАМЯТИ ВЕНИ Д'РКИНА
(Александра Литвинова)

Преиюньское солнце еще не палит с утрца,
Расстоянье в полжизни отсюда до Нижней Крынки,
А вихрастый мальчонка с серьезным лицом мудреца
Подпеваает Вертинскому под трескоток пластинки.
Светлый мальчик не знает, что так же раздарит свой свет,
Адреса разменяет на струны, слова и маски,
Но останутся тридцать не полностью прожитых лет
Отражением вечности в песне, стихе и сказке.
Вот и лето в Донцке – начало начал и конца.
В праздном шуме толпы ясно слышится звон
воскресный,

А патлатый парнишка с беспечным лицом мудреца
Прикасается к струнам гитары и дышит песней.
Расстоянье в полсвета от неба до нищих больниц,
От родного порога до горечи дачной спальни.
Подмосковное лето слабеет и падает ниц,
Августовское солнце не прячет свой лик печальный,
Только ласково гладит лучом ветровое перо,
Золоченою шпагой пронзает больную просинь.
А смеющийся странник в заплаканной маске Пьеро
Убегает на небо по шатким ступенькам сосен.

• Мы помним вас

Светом добрым окропясь

Имя **Геннадия Лада** мы усушали после смерти поэта. Вот так жил себе рядом, писал хорошие стихи, а коллеги по перу даже в Нелидове о нём мало что знали. В дни его ухода В. Юринову позвонили из РИА «Новости», хотели что-нибудь услышать о поэте. Владимир позвонил мне. Мы оба слышали о нём впервые. И только потом, по цепочке разбираясь в ситуации, выяснили, что звонил из серьёзного столичного агентства молодой журналист по имени Евгений, выросший в Нелидове. Вначале он обратился к В. Кириллову, так как будучи студентом, писал дипломную работу по творчеству Валерия Яковлевича. Тот и переадресовал его к нам. Тогда-то я и нашла кое-что о Геннадии Ладе в Интернете. Мне припомнилось, что я сталкивалась с ним на Каблуковских литературных встречах, и что именно он урезонивал обиженных участников поэтического фестиваля словами: «А меня вот никак не отметили, а я всё равно рад, что приехал».

Поэт оказался настолько интересным, что не сказать о нём нашим читателям было просто невозможно. Спасибо мировой паутине, что хоть какие-то следы остаются от талантливых, но тихо живущих людей.

Родился Геннадий в 1946 году в Забайкалье. Жил в Средней Азии, в Южном Казахстане. Армейскую службу нёс в Томске. В Нелидове жил и работал более 30-ти лет. Полюбил этот край. Стихи писал с детства, лучшие из них написаны на нелидовской земле. Печатался в альманахах Каблуковских литературных встреч, в ряде газет, стихи вошли в коллективный сборник нелидовских авторов «Межа» (2003)». Есть его имя на Литературной Карте Тверского края. Вышла книга «Исповедь».

Сколько еще их, «окропленных добрым светом», талантливых и неузнанных, на просторах нашей страны?

М. Петрова

Геннадий Лад*(Геннадий
Васильевич**ГЛАДЫШЕВ)***(1946 – 2014)****НИКУДА НЕ УЕЗЖАЮ**

Никуда не уезжаю,
На вокзале просто так.
Никого не провожаю,
Видно, я такой чудак:
Жить – надеждою на случай,
Наслаждаться тем, что есть.
У меня такая участь,
Для меня такая честь.
И другого не желаю.
Вам такого не понять.
Непонятное желанье.
И не надо обвинять:
Мол, с заскоком, мол, с приветом,
Мол, мякина в голове...
Всё равно не дам ответа,
Сам не знаю, где ответ.
Незачем меня тиранить,
А не то, неровен час,
Для меня – гром в небе грянет,
Молния сверкнёт – для вас.

СТРАСТЬ

Я до конца твою приемлю страсть,
Твоё влечение пью огромными глотками.
Мы в комнате одни. Нас держит робкий страх
Капризными, но твёрдыми руками.
А ты, доверчиво сама ложаешься в постель,
Упрямо шепчешь: «Лучшего не надо.
Я нарожу тебе хорошеньких детей...».
Но страсть прошла. И тесно стало рядом.
Мы разошлись. Все чувства – пустота.
И с трепетом осеннего рассвета
Я сразу догадался: ты не та.
Ты поняла, что я совсем не этот.

ВЕЧЕР В ПОЛЕ

Я иду.
Шуршит покос.
Ветер бьёт в ладоши.
Горизонт к земле прирос
Под тяжёлой ношей.
Вечер звёздами зернист,
Травы в росах плачут.
Соловьиный пересвист
Надо мною скачет.

Я иду, не торопясь,
По траве душистой.
Светом добрым окропясь,
Что-то шепчут листья.
Нет ни тропок,
Ни дорог,
Лишь трава густая.
Перепёлки из-под ног
С шумом вылетают.
Ясный месяц над рекой,
Как краюха хлеба,
Словно доброю рукой
Выложен на небо.

* * *

Тополёвый локон
В темноте растаял,
И смеются окна
Через шторы ставен.
Опустился вечер,
Задымили печи,
Звёзды, словно свечи,
Теплятся над речкой.
И туман холодный
Над селом спустился.
Месяц, будто лодка,
В плаванье пустился.
И роса на травы
Прилегла, застыла,
И склонились ивы
Над водой уныло.

* * *

Трещит мороз сибирскою лихвою,
Гудит в трубе унылая метель.
И в суматохе бешеного воя
Ночь стелет белоснежную постель.

Ах, в этот мрак тоскливого настроения
И мне тоски в душе не превозмочь.
Я понял, мама, самое простое,
Что даже ты не можешь мне помочь.

* * *

Пускай я жизнь не так, как надо, прожил,-
Жалеть не стану, да и не привык.
Я дней своих беспутных не итожу,
Ложатся дни, как вечный черновик.
Несётся жизнь, как в фильме на картинках.
И мне за нею, право, не успеть.
Ах, как давно я не был на поминках!
Не прозевать бы собственную смерть!

- На конкурс: «Это было со мной в Андрееполе»

САШКА ПЕТЬ БУДЕТ?

*Молодость, ты как времени замок,
И захочешь - не взломаешь,
Чтоб прожить еще разок!
(Из песни группы «Рождество»)*

В то время, о котором я хочу рассказать, для нас, выпускников школы, выбор профессии вовсе не зависел от толщины родительских кошельков. Родители нас не толкали, самое большое – советовали, но мы шли учиться туда, куда указывала судьба. Иногда этот выбор был удачным и на всю жизнь, а иногда и нет, но это уж как кому повезёт.

Вот так и я. После окончания восьмилетней школы решил – буду артистом. А как же иначе! Я был самым активным участником школьной самодеятельности. А если учесть, что и одним единственным мальчиком в ней, то по нынешним меркам – «звезда» да и только!

Чувствовал ли я себя «звездой»? Конечно же, нет. Но мне очень льстило, когда читал объявление о том, что в леспромхозовском клубе в субботу будет концерт школьной самодеятельности, зрители окрестных деревень спрашивали: «А Сашка петь будет?» Видимо, Сашкино пение им очень нравилось, и я, естественно, старался оправдать их доверие. И пел. Мне сейчас трудно сказать, хорошо ли это было и как выглядело вообще всё это действо, но я пел. О, с каким вдохновением я пел!

В то время мне казалось, что для полного антуража мне не хватает гитары... И мать её купила. За целых пятнадцать рублей, при учёте её заработка – десять рублей в месяц. Восторг неопишуемый! Эту гитару я лелеял, как мог, хотя играть на ней не умел совершенно. Но я выходил на сцену с гитарой в руках и что-то изображал невообразимое. Одноклассницы-девчонки писали в штаны, а все остальные зрители с восторгом аплодировали моему незамысловатому пению.

Ну так куда же поступать и на кого учиться?! Только в музыкальное училище и только петь! Еду в Калинин, нынешнюю Тверь, нахожу адрес музыкального училища, сдаю документы, и вот я абитуриент. Всё казалось таким простым: завтра или послезавтра спою какую-нибудь песню, со мной побеседуют – и я студент! Учусь музыкальному искусству! Но оказалось не всё так просто, как казалось. Несмотря на эту тавтологию, тогда это выглядело именно так. Пришёл, увидел, победил – не получилось.

Среди желающих поступить были юноши и девушки достаточно подготовленные, окончившие музыкальные школы, изучившие музыкальную грамоту, сольфеджио, в конце концов, нотную грамоту.

И я. Я, который музыкальную грамоту постигал на деревенских посиделках, где подвыпившие бабёнки без какого-либо музыкального сопровождения унылыми голосами запевали: «Ой, цветёт калина в поле у ручья...». Это в лучшем случае, а иногда звучало и другое: «Виновата ли я, виновата во всём...».

Экзамены я не выдержал, провалил начисто. Таких, как я, было много, но все мы твердили одно: «Завалили». Тогда нам не приходила в голову мысль – для того, чтобы петь, нужны как минимум три составляющих: голос, слух и желание. Ничего не хочу говорить о других, но у меня из всего этого было только желание, и его оказалось мало.

Итак, попытка поступить в музыкальное училище закончилась ничем. Что же делать? Как быть? Оставалось одно – подать заявление в девятый класс. Тогда после окончания восьми классов дальнейшее обучение в средней школе продолжали как-то немногие, лишь очень целеустремлённые. Я им не был.

Но что-то делать надо. Сдаю документы в 9 класс Андреевской средней школы. Радуюсь, что здесь меня не заставляют петь, не проверяют чувство ритма, а сразу зачисляют в ученики одного из вновь набранных девятих.

(продолжение на стр. 9).

(начало на стр. 8).

Начало учебного года. Заходим в класс, садимся за парты как кому удобно. Входит учитель(ница). И сразу с места в карьер утробным голосом загнанной лошади кричит: «Ну-ка сели за первые парты!!!». От крика она охрипла, а я от такой встречи до ужаса испугался, до сих пор на меня никто не кричал. Позже я не раз слышал отзывы о ней, как о хорошей учительнице, но тогда эта встреча ввела меня в полный ступор, из которого я так и не вышел. Даже когда видел её в коридоре, мне становилось если не страшно, то точно не по себе.

После такой встречи я полностью отупел и ничего не мог воспринять из того, что она говорила. Другой учитель на меня, отупевшего, перестал обращать внимание вообще. И я затосковал, понимая, что учёба не пошла. Тоска, неопишущая тоска.

В то время, мы, пришедшие из сельской местности, жили в школьном интернате, который располагался в так называемой «зелёной» школе, имеющей место быть и сейчас. К сожалению, сегодня там ничего нет, а раньше на первом этаже учились первоклашки, а на втором жили мы. Наверное поэтому, когда я время от времени прохожу мимо школы, какая-то неопишущая грусть нет-нет да и скуёт сердце.

Возвращаясь к моим школьным будням того времени, и сегодня нельзя забыть эту неопишущую тоску, которая завладела тогда всем моим существом. Не радовало ничто. Ни осень, нарядно бушующая за окном, ни такие же, как я, ребята... Ничто. Тоска.

И вот в один из таких тоскливых осенних вечеров я стою возле открытого окна на втором этаже в классе самоподготовки. За окном темнота. Еще не опавшие, сухие и потому шуршащие от ветра листья лип. Одинокое огоньки от света электрических ламп, которые еле-еле отражаются в реке. Темнота и тоска.

Мне было не до физики и математики, и вообще не до этой школы, которая не приняла меня, и которую не люблю я. В памяти возникли слова песни:

*Город ночной окунулся во тьму,
Арки мостов в сказочном сне...*

Если во мне в то время была какая-то душа, то я всю её, без остатка, вложил в слова этой песни. Я смотрел в темноту, на тот берег Западной Двины, на мост, соединяющий берега, и пел, забыв про тоску, время и, может быть, даже про себя.

Я не мог петь бесконечно, любая песня когда-нибудь заканчивается, закончилась и моя. Наступила тишина. В класс самоподготовки зашла наша воспитательница. Сейчас я не могу сказать, красивая она была или нет. Тогда мне было не до того, чтобы оценивать женскую красоту, но я до сих пор помню её роскошные длинные волосы цвета тонкой-тонкой меди, распущенные по плечам. Наверное, она была красивой.

– Кто это сейчас пел? – последовал вопрос.

Все присутствующие молчали, глядя на меня. Делать нечего – пришлось признаться, что в этом безобразии надо винить меня.

На следующий день наша воспитательница пригласила в интернат моего классного руководителя, и они совместно со мной решили, что меня надо отдать в музыкальную школу для обучения.

Судьба распорядилась так, что я не закончил не только музыкальную школу, но и среднюю андреапольскую. И уж потом, окончив два университетских факультета, я время от времени, хотя и себе под нос, пою:

*Город ночной окунулся во тьму,
Арки мостов в сказочном сне...*

**Александр Павлов,
г. Андреаполь.**

На снимке:

«Старый Андреаполь» – именно таким мог его видеть из окна школы герой рассказа.

• Гости клуба

Елена Дувакина,
Осташков

После сезонных ливней
Долгий сезон жары,
Месяц слоновым бивнем
Врезался в склон горы,
Мост резным коромыслом
Берега подцепил,
Колокол звуком чистым
Лёд в душе растопил...
Слёзы не вытираю,
Свят и непогрешим
Призрачный отсвет рая
В лабиринтах души...

* * *

Пропитан лес ночью темнотой,
Такой густою, что вдохнуть не смею,
Дневной порядок, ясный и простой,
Мрак чёрной изолентой заклеил.
Невидимая птица в вышине,
Рыдая безутешно, пролетела,
Оттуда, где речушка в полусне
По тростникам прибрежным шелестела,
Где люди под покровом темноты,
Пытаясь сбросить стресс и перегрузки,
Выкрикивали модные хиты
На языке, казавшимся им русским.

* * *

Взяв верх над здравым смыслом в поединке,
Мчусь напролом, не чуя тормозов,
И, в образ вжившись крашеной блондинки,
Бравирую незнанием азов,
Доверилась гаданиям цыганки,
За деньги посулившей райских благ,
Не достаю до заповедной планки,
Но к лидерам подстраиваюсь в шаг.
И, вдребезги разбившись о реальность,
Пытаюсь при паденье с высоты
Оттенки оценить и музыкальность
Осколков разлетевшейся мечты.

* * *

Случается, погожим днём весенним
Вам выпадет, на удивление всем,
Вдруг выскочить на полосу везенья,
С пути сметая частокол проблем.
И в избранность свою рядясь как в платье,
Доверив руль судьбе без лишних слов,
Вы, навыки вождения утратив,
Летите под откос в конце концов.

А чтобы вас не ободрал терновник,
Дежурные везенье и Успех
Заботливо подстелят мягкий коврик –
Гвоздями вверх...

* * *

Всю жизнь на просторах любимой страны
Живём в состоянии «после войны» -
Войны то с безденежьем, то с бездорожьем,
С коррупцией, пьянством, разрухой и ложью,
Войны бесконечной то с тем, то с другим,
Ранения пряча под праздничный грим.
И верим, что временно мы за бортом,
А жизнь настоящая будет потом,
Вот только осталось чуть-чуть поднажать.
Потом результатов чуть-чуть подождать...
А годы бегут, и бегут, и бегут,
Протяжно когтями по сердцу скребут.
И жизнь, временные границы круша,
Проходит, проходит, проходит... Прошла...

* * *

Не позволяй душе лениться...
(Н. Заболоцкий)

Не позволяй душе лениться,
За ней ведь нужен глаз да глаз,
Она ведь может притвориться,
Что тяжкое ей в душе у нас.
Душа заныла от бессилья?
Жалеть не вздумай, что за вздор!
Нам разум дал стальные руки-крылья,
А вместо сердца – пламенный мотор!
В трудах душа устала ваша?
В себя придти она не прочь?
Не-ет, пусть без передышки пашет,
И день и ночь, и день и ночь!
Ты понапрасну не тревожься,
Расстраиваться не спеши,
Когда испуганно проснёшься
От крика собственной души,
Пусть поорёт, пока охрипнет,
Плюнь и не порти аппетит,
Душа рванётся, тихо всхлипнет
И... отлетит...

**ОТКРОВЕНИЯ ТОНКОГО
ЦЕНИТЕЛЯ МУЗЫКИ**

От попсы завяли уши,
Да и от шансона, кстати.
Тут под пиво Баха слушал...
Честно говоря – не катит.
А в четверг узбекским пловом
Под Вивальди угощали...
Не скажу, чтобы фуфлово,
Но души не очищает.
Вот вчера очистил душу
До печёнок, капитально:
Молоток отбойный слушал,
С ритма тацит нереально!

• **Книга природы**
ВОЗРАСТ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТИ

Быт современного человека неразрывно связан с той средой, которую он сам для себя создал, приспосабливаясь к благополучному выживанию в этой среде. Жилища и удобства для проживания в них, транспорт, дороги, особая пища и комфорт. А животные, как приспособились к выживанию в дикой природе, так и остались в веках на том же уровне, с незначительными поправками на изменения среды их обитания человеком. При этом человеческие – антропогенные – изменения чаще всего оказываются вредными для дальнейшего, благополучного существования диких видов на планете Земля. Важнейшим периодом в жизни млекопитающих является период обретения самостоятельности – возраста, с которого зверь имеет возможность самостоятельного, без опеки родителей, выживания в дикой природе. Изучение формирования поведения у бурого медведя в эксперименте с медвежатами-сиротами позволило выявить основные причины, определяющие этот период.

После рождения, в формировании поведения у бурого медведя наблюдается 5 периодов развития: младенческий – от рождения до трёх месяцев, детский – до возраста 5 мес., ювенильный – от 6 до 16 - 17 мес., подростковый – от полутора до 3 – 4 лет. Взрослая форма: у самки - после выращивания первого потомства (5,1/2 лет), у самца – после первого спаривания (4 – 6 лет). Почему так? Потому, что у самки могут проявляться отдельные фрагменты в поведении, не наблюдавшиеся ранее, вплоть до самого конца нахождения её с детьми. А у самца новые элементы поведения, необходимые для продолжения рода, проявляются в период сближения с самкой в период гона и происходящего спаривания.

Возможность самостоятельного выживания, или возраст самостоятельности, медвежата обретают в ювенильном периоде, в возрасте старше 6 мес., но остаются в семье с матерью до возраста полутора лет и, поэтому, считалось ранее, что для самостоятельного выживания медвежатам нужно дожить с медведицей до возраста полутора лет, а, например, на Камчатке семья медведей может существовать и до двух с половиной лет. Наблюдения за медвежатами-сиротами, вырастающими в условиях открытого доступа к лесу (двери вольера остаются постоянно открытыми с апреля месяца) показали, что успешно кормиться, спастись от опасности, быстро взбираясь на деревья, и искусно ориентироваться в лесу, хорошо запоминая местность, медвежата способны в возрасте старше шести с половиной месяцев. Это и есть возраст самостоятельности, в котором медвежонок может выжить в дикой природе, оставшись без матери.

Подкармливаясь растительностью медвежата начинают уже в апреле, едва появляются первые проростки трав. В мае и июне формируется основа пищевого поведения, направленного на добывание и потребление растительных и животных (насекомые, мелкие позвоночные) кормов. В конце июня и в первой половине июля формируется основа оборонительного поведения. Физическое развитие медвежонка достигает уровня высокой подвижности. К этому календарному периоду созревают ягоды черники – одного из основных, важных кормов для медведей в нашем лесу. Вскорости поспевают и малина.

В конце июля медведица перестаёт кормить молоком своих деток. Ей, за оставшееся до зимы время, нужно набрать достаточное для успешной зимовки количество жира, не расходуя энергию на производство молока. С этого времени в семье медведей пищевое благополучие медвежат полностью зависит от естественных, добываемых ими в природе, кормов. Таким образом, физическое развитие медвежат, их способность питаться естественными кормами, обеспечивают медвежонку потенциально устойчивый уровень жизнеспособности. А условия среды обитания в этот период – наличие и высокая доступность калорийных кормов (ягод), «облегчают» медвежатам пережить отсутствие подкормки молоком матери. Целый ряд благоприятных факторов в сосуществовании медвежонка и среды его обитания и определяют возраст, с которого он может выжить в лесу самостоятельно – «возраст самостоятельности».

В иностранной литературе имеется единственное сообщение о том, что браконьеры убили медведицу в конце июля и сиротой остался один медвежонок, который убежал от людей. Опытные егеря зарегистрировали его место нахождения и весной следующего года обнаружили этого медвежонка целым и невредимым. Так, независимо друг от друга, учёные в Канаде, наблюдая за медвежонком, осиротевшим в возрасте старше 6 месяцев, и в России, в эксперименте с медвежатами-сиротами, определили возраст самостоятельности у чёрного американского медведя-барибала и у нашего бурого медведя.

Валентин Пажетнов

• Непридуманнные истории

НАСТЯ

Настю в деревне Самсоново любили все. Особенно ее обожала свекровь. Да и как было не любить эту ловкую, быструю в любом крестьянском деле женщину! Ведь в деревне нужно успевать повсюду! Когда в доме появилась такая невестка, свекровь только радовалась. Часть забот спала с ее плеч. Да и другим эта женщина спешила на помощь. В глазах многих она представляла собой сгусток энергии.

Настю особенно любили деревенские девчонки. Она знала столько песен, и дети выучили их.

В одном городе жила парочка.

Он был шофер, она счетовод.

И росла у них дочка Алочка,

Ей пошел уж тринадцатый год, –

начинала петь Настя. И все дружно подхватывали эту песню на посиделках.

Настя на работу ходила за четыре километра в деревню Горка. Там была школа, где она работала поваром. Женщина и на этой работе управлялась ловко. Ее зычный голос слышался издалека, когда она звала ребятишек за стол. По складу характера она была лидер, и все безукоризненно ее слушались. Отпор Настя могла дать любому. Про таких людей обычно говорят: «палец в рот не клади – откусит».

Вероятно, редко кто знал, что за плечами у Насти темное тюремное прошлое, возможно и песни о непростой людской судьбе она привезла оттуда. Сидела она за то, что женщинам нередко прерывала беременность. Может быть поэтому, Бог и не дал ей собственных детей с Николаем. Но свекровь по этому поводу не грустила. Она считала, что пусть хоть с этой живет ее Коля, а так бы он совсем спился. А Настя его все же в руках держит. Конечно, он хотел детей, но на нет, как говорят, и суда нет. Самое главное, что ей, матери Коли, Настя хорошая помощница.

Но не зря же существует народная мудрость «Как волка ни корми, все равно в лес смотрит». Обратилась к ней за помощью учительница Галина. Она, в противовес Насти, была тихая, скромная, безмятежная. Вместе с мужем Иваном растили они единственного сына Андрея. Был он еще маленьким, и когда Галина забеременела второй раз, она решила прервать эту беременность. В больницу из-за своей скромности ехать стеснялась. Ведь тогда об этом узнают многие, а ей не хотелось огласки. Всё-таки аборт – это узаконенное убийство.

Это темное дело женщины решили осуществить глубокой ночью в помещении начальной школы, которая располагалась на центральной улице деревни. Как выяснилось позднее, у Галины было больное сердце. Во время этой дьявольской операции молодая женщина умерла.

Настя не ожидала такого исхода события. В страхе, обезумев, она начала топором рубить бездыханное тело женщины и усиленно его прятать. Но шило, тем более такое, в мешке не утаишь. Ведь муж и свекровь Галины знали, куда она уходила. Приехала милиция. И сразу же пошла к Насте.

– Погодите, я сейчас приду к вам, только хлеба ученикам принесу, – сказала Настя, взяв веревку.

Проходило время, а женщина так и не появлялась на горизонте. Ее стали искать и нашли повешенную за печарней. Вся деревня оплакивала этих двух женщин. Особенно убивалась свекровь Насти. Она настолько привязалась к ней, что не могла представить себе жизнь без нее.

Галину тоже очень любила свекровь. Ведь они тоже жили вместе. Так получилось, что ее сын Иван прожил недолго, и пришлось бабушке одной растить Андрюшу.

Галина Ермолаева,
Андреаполь

Владимир Юринов

На картах не значит

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

О дальнейшей судьбе Пидружняка я ничего не знаю, а вот о Терлюке некоторые сведения с днепровских берегов до нас дошли.

В Орловке подполковник Терлюк отличался своей просто-таки патологической нелюбовью к замполитам. Иначе как «комиссарское семя» он их никогда и не называл. При этом он кривил свои полные губы и, если находился вне помещения, норовил презрительно сплюнуть себе под ноги. Но на исторической родине подполковнику была предложена «вкусная» должность начальника политуправления воздушной армии, и Терлюк с готовностью, если не сказать – с радостью, согласился, примерив таким образом на себя ещё совсем недавно столь ненавистный ему замполитский мундир.

Новоявленный замполит, как это часто случается с неопитами, старался быть «ортодоксальнее ортодоксов» и лез из кожи вон, дабы продемонстрировать всем окружающим (и, главное, начальству!) свой пылкий патриотизм. То он требовал от подчинённых отработки служебной документации исключительно на «рідной мове». То предлагал начинать все построения в частях с поднятия жовто-блакитного стяга и хорового исполнения личным составом «Ще не вмерла Україна». А когда министром обороны Украины был издан приказ о переходе украинской армии на ношение формы одежды с национальной символикой, Терлюк первым где-то изыскал для себя кокарду с трезубцем и стал активно ездить по частям и гарнизонам, беспощадно карая «за грубое нарушение формы одежды» всех встречных и поперечных, ещё не успевших сменить свои старые краснорубашечные кокарды.

Но это всё так, к слову.

Я полагаю, что достаточно полно и подробно написал о том, как «развлекали» жителей Орловки так называемые внешние факторы, начиная от транспорта и погоды и заканчивая коммунальными трудностями и крысами.

Теперь же настала пора поговорить о том, как орловцы развлекали себя сами. И действительно, ведь не службой же единой и не преодолением бытовых трудностей жив человек. А семья? А искусство? А хобби, наконец? Да, мой читатель! Всё это тоже имело место. И поэтому я хочу в следующей главе немного рассказать...

О РАЗВЛЕЧЕНИЯХ

А вот с развлечениями-то в Орловке как раз было и негусто. Раз в неделю, по воскресеньям, в ГДО крутили какой-нибудь замшелый фильм. Тоже раз в неделю, по субботам, там же, в зрительном зале, сдвинув скамейки к стенам, организовывали дискотеку.

Орловская дискотека отличалась от всех прочих тем, что на ней были единомоментно представлены все возрастные категории – от сопливых тинэйджеров до «тех, кому за...». Поэтому и танцевали там всё: от дико популярного в ту пору брейк-данса до томительно-заунывных «медляков». А что касается репертуара диск-жокея, то он варьировался в широчайшем диапазоне: от «Deep Purple» и «Машины времени» до Аллы Борисовны и леонтьевского «Светофора». Тем не менее дискотека в Орловке, если смотреть на неё непредвзятым взглядом, оставалась мероприятием чисто молодёжным, поскольку в гарнизоне, где не было, да, в принципе, и не могло быть пенсионеров, человек, переваливший сорокалетний рубеж, считался уже сильно пожилым.

Драки, это всемирное и вневременное развлечение всех на свете танцующих, на орловской дискотеке случались, но были достаточно редки – всё-таки на каждую молодую горячую голову здесь всегда приходилось две-три взрослых и холодных.

Кстати, лётчики, вопреки распространённому заблуждению, дерутся крайне редко. И причиной тому – вовсе не банальная трусость (где вы видели трусливых лётчиков?!) или, наоборот, какая-нибудь нордическая стойкость характера (встречал я среди пилотов и вспыльчивых, аки порох, «джигитов»). Нелюбовь лётного состава к молодецким кулачным забавам объясняется вполне банально: просто лётчик, получивший сотрясение мозга, автоматически перестаёт быть лётчиком – медицина на этот счёт строга и неумолима. Так что все любители помахать кулаками отсеиваются из лётного состава ещё в училище, в крайнем случае – в ранние лейтенантские годы. Поэтому всякий пилот, прежде чем кидаться в драку, тридцать три раза подумает и столько же раз всё взвесит. И только в том крайнем случае, когда деваться уже вовсе некуда, когда вопрос, понимаешь, стоит: «или – или...», только тогда лётчик мысленно (а может, и не мысленно)

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 13).

вздыхнув, засучит рукава и пойдёт щупать чью-нибудь несимпатичную рожу. Да и то в этой неприятной пиковой ситуации он постарается сделать так, чтобы ему не «прилетела обраточка», используя для этого все самые действенные наработки из своего богатого боевого арсенала, начиная от хитрых тактических приёмов типа «бей – беги», и заканчивая «тяжёлой артиллерией» своих коронных ударов типа «кирпич» или «дрын обыкновенный».

Распространённой забавой на орловских танцах, как и сейчас на многих дискотеках, были шутки с пиротехникой. Только взрывали в Орловке не нынешние дешёвые китайские пукалки, а солидные армейские взрывпакеты.

В разгар всеобщего веселья, во время какого-нибудь особенно азартного танца, когда пыль, как говорится, стояла столбом, когда полы трещали под натиском каблуков и пот заливал разгорячённые лица, когда рубашки прилипали к спинам, а платья – к бёдрам, из какого-нибудь тихого тёмного угла под ноги танцующим летел подождённый взрывпакет и происходил «большой барабум». Если учесть, что армейский взрывпакет достаточно правдоподобно имитирует подрыв ручной гранаты, то становится понятным, почему беременные женщины ходить на танцы в Орловке не любили. Причём независимо от срока беременности. Имелась ещё в ГДО плохонькая библиотека, в которую заглядывали разве что примерные школьники младших классов.

Там же работала совсем миниатюрная – буквально на две комнатки – детская музыкальная школа. Больше ничего примечательного в орловском доме офицеров не происходило. Впрочем, когда в самом конце 88-го года, как результат продувающих всю страну перестроенных сквозняков, в ГДО открылся видеосалон (с обязательным ночным – эротическим!!! – киносеансом) да, в придачу к нему, ещё и коммерческий буфет, в котором НАЛИВАЛИ, орловский дом офицеров мгновенно стал мегапопулярной площадкой, куда стекались потусоваться все: от мала до велика и от последнего прапорщика до самого первого полковника. Вот тогда-то и закипела там жизнь. Вот тогда-то события, происходящие в ГДО, поднялись на первые строчки в орловских новостных топ-листах, а чья-нибудь очередная разбитая в доме офицеров морда стала рядовым, обыденным явлением.

А до этого самым посещаемым публичным местом в гарнизоне долгие годы оставалась «стометровка».

«Стометровка» – это выложенная бетонными плитами дорожка, что начиналась у домика контрольно-пропускного пункта, в качестве главной улицы тянулась через весь городок и метров через двести упиралась в двухэтажное здание ГДО. Кроме всего прочего, это было единственное освещаемое фонарями в тёмное время суток место в нашем городке.

На «стометровку» шли, как в клуб. Здесь назначали деловые встречи и свидания. Здесь демонстрировали свои самые лучшие, привезённые с «большой земли», модные наряды. Здесь можно было повидать давно не виденных знакомых и услышать самый свежий анекдот или ещё горячие – только что с пылу, с жару – гарнизонные сплетни. Вечерние променады семейных пар по «стометровке» – под ручку, с галантными раскланиваниями со всеми встречными-поперечными и с остановками «на поговорить» – были в Орловке чем-то типа узаконенного и освящённого общественным мнением, чуть ли не религиозного, ритуала. Длительная неявка семейной пары на «стометровку» расценивалось завсегда как «клуба» либо как звание близкого и неизбежного развода, либо как непростительная пощёчина общественному вкусу. И наоборот, появление «в клубе» нового действующего лица вызывало фурор и мгновенное оживлённое обсуждение.

Я хорошо помню, как впервые «вывел в свет» свою, только что приехавшую в Орловку, молодую жену. Когда мне, дай бог, когда-нибудь будут вручать Нобелевскую премию по литературе, то приём в шведском королевском доме, наверняка, покажется мне бледным подобием того памятного августовского вечера, с таким трудом пережитого мной в чопорном орловском «клубе». Мы сделали с женой всего лишь один проход по «стометровке», но вернулись домой совершенно вымотанными, словно после сорокакилометрового марафона, с мокрыми спинами и сведёнными от любезных улыбок лицами. «А можно мы туда больше никогда не пойдём?..» – робко спросила меня моя восемнадцатилетняя наивная жена после того, как немного отошла от этого «светского приёма». «Нельзя!..» – печально сказал я, ибо к тому времени уже прекрасно знал о неодолимой силе общественного мнения в маленьком отдалённом гарнизоне.

Так что появление осенью того же года видеосалона и буфета в ГДО, слегка нивелировавших значимость «стометровки», стало для нашей молодой семьи самым настоящим спасением.

Но были у нас в Орловке и постоянные развлечения, которым мы отдавали большую часть своего свободного времени. Это были мини-футбол и карты.

Про мини-футбол я могу сказать только то, что играли мы в него регулярно: летом на воздухе, а зимой в спортзале, который являлся пристройкой к нашему гарнизонному дому офицеров. Играли по вечерам, после работы, иногда чуть ли не до полуночи. В общем, футбол был как футбол: мяч, ворота и полные штаны азарта.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр.13-14).

А вот про карты хочется сказать особо и поподробнее.

Про «дурака» в «кунге» я уже упоминал. Но то была игра дорожная, временная, пятиминутная. По-серьёзному играли в стационарных условиях – дома или на работе (в ожидании лётной погоды или во время скучнейших парковых дней), где приходилось прятаться от зоркого ока начальства. Прятались не особо изобретательно: летом – где-нибудь в кустах, а зимой – по пустым классам или по «потернам» (маленьким помещениям внутри стен самолётных капониров). Наземный состав играл в «секу» – полублатной вариант покера; лётчики – в старый добрый преферанс. Играли, разумеется, на деньги – в самом деле, где это видано, чтобы офицеры играли «на интерес». Но ставки были не запредельными, разумными, и если сильно не выкаблучиваться, то проиграть за одну игру больше 20-30 рублей (примерно десятая часть зарплаты) было весьма затруднительно.

В городке основными карточными центрами, «игорными домами», были квартиры холостяков. Наша холостяцкая квартира в ДОСе № 13, как самая большая из всех, пользовалась наибольшей популярностью. Смело могу сказать, что, практически, нет ни одного лётчика, который бы, служа в Орловке во второй половине 80-х годов, не побывал в нашем трёхкомнатном «монте-карло» в качестве игрока. Зачастую в каждой из трёх комнат нашей квартиры сидела за столом, расписывая «пулю», своя компания.

Более того, для всех желающих в нашей квартире была открыта так называемая «воскресная школа». Любой мог прийти к нам и попросить научить его играть в преферанс. К новичку приставлялся инструктор, который объяснял ему суть и правила игры. Первую игру новичок проводил за спиной своего учителя, попутно задавая любые вопросы, а следующую – уже играл самостоятельно. Скидок на неопытность не делали, просто рекомендовали на первых порах особо не рисковать. Открытость и доброжелательность, с одной стороны, и необходимость отвечать за свои ошибки своими деньгами, с другой, делали своё дело – обычно, уже игры через две-три, оставив на столе 50-70 рублей, новичок переставал считать себя новичком и начинал метать карты с завидной уверенностью.

Наряду с увлечениями постоянными, неизменными, периодически случались в нашей жизни увлечения временные, сиюминутные, которым мы предавались недолго, но страстно. То мы все принимались лихорадочно покупать велосипеды и устраивали настоящие велопробеги по окрестностям. То проводили быстротечные шахматные турниры. То увлекались какой-нибудь случайно купленной в магазине настольной игрой, зачастую – совершенно детской. То ударялись в какое-нибудь выжигание или паяние, и тогда в нашей квартире по вечерам из-за дыма становилось нечем дышать.

А об одной забаве я хочу сказать особо.

В декабре 85-го, отправленные в отпуск, мы практически чисто случайно оказались на военной турбазе в Терсколе, где впервые в жизни встали на горные лыжи. И сразу же влюбились в них! За неполные две недели, проведённые на склонах Чегета и Эльбруса, мы научились довольно сносно держаться на лыжах и освоили некоторые элементарные приёмы катания. Ну, «освоили» – это, конечно, громко сказано. Как можно освоить горные лыжи за десять дней?! Тем не менее, вернувшись в Орловку, мы не захотели расставаться с полюбившимся нам видом спорта и принялись активно пробовать себя в новом качестве на склонах местных сопков. Горных лыж у нас, разумеется, не было. Откуда?! Зато были обычные, беговые. Вы когда-нибудь пробовали исполнять «параллельное скольжение» на беговых лыжах? Настоятельно не рекомендую. Особенно на неукатанных склонах. Ведь если сломанные лыжи можно заменить, то, что касается сломанных ног... Нет-нет, ног из нас никто тогда не поломал. Хотя явные предпосылки к этому были. Выручала хорошая спортивная подготовка и, наверное, главное, – небольшая величина местных склонов: на них просто негде было развить достаточно большую скорость. Вместо ног мы ломали лыжи. Сколько мы поломали лыж!.. Практически каждый, едущий той зимой в Серышево или Белогорск, получал от нас заказ на покупку лыж. Мы даже специально приобрели себе дрель, чтоб сподручней было переставлять крепления с сломанных лыж на новые. Лыжи нам привозили исправно – как дрова, целыми вязанками, – но проходили очередные выходные, и запас лыж в нашем доме опять неожиданно иссякал.

Как-то, уже летом, я забрёл на склон той сопки, где мы почти четыре месяца осваивали хитрости горнолыжного спуска. Увиденное поразило моё воображение и заставило вслух продекламировать незабвенные строки классика: «О поле, поле, кто тебя усеял мёртвыми костями?» – весь склон был попросту усыпан разновеликими и разноцветными обломками лыж. К моему вящему удивлению, я обнаружил там и пару сломанных детских санок, что заставляло предположить, что кто-то из обитателей гарнизона втайне от других практиковался на нашем склоне в ещё одном виде скоростного спуска.

(продолжение следует).

Анекдоты из нашей библиотеки
БЫЛ, НО УШЁЛ...

– Крылова я у вас могу для внука взять?
– спросил пожилой мужчина интеллигентного вида, расправляя вынутую из кармана записочку-список.

– Зайдите лучше в детскую библиотеку, там вы его точно найдёте, – не проверив наличие книги, ответила библиотекарь-новичок, обслуживающая взрослый абонемент.

– Мне во взрослом отделе сказали, что у вас-то я непременно Крылова найду, – уже в детской библиотеке повторил свою просьбу пришедший.

– Да нет его у нас, – ответила рассеянно библиотекарь, вспоминая, как некоторое время назад по коридору проходил Иван Тимофеевич Крылов, фигура в районе широко известная.

– А где он тогда?

– Не знаю, может, к директору пошёл. Посмо...

Изумление, возникшее на лице мужчины, остановило её на полуслове.

– Ой! Вы, наверное, об Иване Андреевиче Крылове спрашиваете? Баснописце? – запоздало догадалась она.

И принялась извиняться после минутного замешательства...

И ПУШКИН ПРИХОДИЛ?

– Вас тоже выставка заинтересовала? – обрадовалась явному нескрываемому любопытству мальчишек-второклассников, толкавшихся в фойе, директор библиотеки.

– Ага, красиво. А что это было у вас здесь такое? – вступил в разговор самый бойкий.

– Да вот поэты известные приезжали из Твери и области, – намерилась она расширить детский кругозор.

Но мальчишка, явно спешащий куда-то, нетерпеливо и удивлённо перебил:

– Поэты? Разве они ещё живы?

– Ребята, есть хорошие, известные поэты-современники...

– Надо же, а я думал, они все умерли уже... К нам приезжали... Прикольно, всем расскажу...

Уже уходя, повернулся и, чтобы выяснить всё до конца, огорошил вопросом:

– И Пушкин тоже приходил?

Записала М. Авинова

НЕ ХОЧУ В ГИМАЛАИ!

Не держите Распутину Марью!
Жалко женщину просто до слёз.
Отпустите её в Гималаи!
Где снега, ледники и мороз.

Там в привычно суровой природе
На неё снизойдёт благодать.
И таинственный йети-народец
Будет песням её подпевать.

Ну а мне по душе лишь Гавайи!
Солнцу жаркому искренне рад.
Не хочу замерзать в Гималаях.
Гималаи мне хуже, чем ад.

До чего ж хорошо на Гавайях
В бирюзовых плескаться волнах!
Ни за что, ни за что не желаю
Гималаи увидеть хоть в снах!

Не тяните меня в Гималаи
Ни на миг, ни на час, ни совсем.
А не то я завою, залаю
И, наверно, Распутину съем!

Александр Мальчуков,
Андреаполь

Я вчера был не логичен,
Но зато с запасом прыть,
Да и голос зол и зычен, –
Надо же хоть чем-то крыть!

Всё до лампочки, до фени,
Цыц, плебеи и хамьё!! –
Не бывает верных мнений,
Если мнение не моё!

Грош и доводам и фактам,
Если прав я всё равно!
(Я не видел, что ребята
Смотрят странно и темно).

Ведь в запале и заводе
Всех зажал в своей горсти...
И тогда меня Володя
Втихаря перекрестил.

Я запнулся – что я, где я?!
Стыд - оглоблей – вдоль спины,
А ребята обалдели
От внезапной тишины.

Пётр Бобунов,
Нелидово